Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви как источник по истории взаимоотношений Советского государства и Церкви. 1954–1970 гг.

Период с 1943 по 1953 г. был для Русской православной церкви наиболее благоприятным в истории ее взаимоотношений с советским государством. В стране возрождалась религиозная жизнь, открывались храмы, духовные учебные заведения, монастыри, возобновилось издание «Журнала Московской патриархии». Русской православной церкви были возвращены святыни (из музеев в храмы передавались святые мощи), в ведение Московской патриархии была передана Троице-Сергиева лавра, в Москве открылись богословский институт и пастырские курсы (преобразованные в 1946 г. в духовную академию и семинарию). В сентябре 1943 г. был создан Совет по делам Русской православной церкви, который стал посредником между Советским государством и Церковью. Укрепив Церковь, государство приступило к вовлечению ее во внешнеполитическую деятельность. Это был период, когда церковная политика определялась интересами государства.

После смерти И.В. Сталина политика государства по отношению к Церкви постепенно переместилась в сферу партийного влияния и подчинялась задачам партийной антирелигиозной работы[1]. Наступление на Церковь с приходом к власти Н.С. Хрущева не было неожиданным. В 1950 г. уже появляются статьи, в которых говорится, что в социалистическом обществе религия не отомрет сама по себе, поэтому необходимо усилить антирелигиозную пропаганду[2]. В постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» содержались призывы к активной борьбе с «религиозными предрассудками и суевериями», к разоблачению «реакционной сущности и вреда религии». «Церковники и сектанты, — говорилось в этом постановлении, — изыскивают различные приемы для отравления

---

[1] См.: Православная энциклопедия / Под общей редакцией патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 687.

[2] См.: Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 280.

сознания людей религиозным дурманом. Церковь и различные религиозные секты значительно оживили свою деятельность, укрепили свои кадры и, гибко приспосабливаясь к современным условиям, усиленно распространяют религиозную идеологию среди отсталых слоев населения»[1].

В советской прессе была организована массовая антирелигиозная, преимущественно антиправославная кампания. В средствах массовой информации пропагандировались «научно-атеистические знания». Антирелигиозная кампания выражалась также и в других акциях: засыпались песком святые источники, закрывались церкви, участились хулиганские выходки (в основном со стороны молодежи). Увеличилось количество жалоб верующих и священнослужителей в Совет по делам Русской православной церкви и другие правительственные и партийные инстанции[2].

10 ноября 1954 г. было принято новое постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». В ЦК КПСС решили дать «обратный ход». Уже в октябре 1954 г. шла работа над проектом этого постановления. 4 октября 1954 г. председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов и председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский направили в ЦК КПСС свои замечания и дополнения к проекту постановления. Они писали о необходимости поскорее принять и выпустить постановление, так как «ошибками и извращениями приведены в движение сейчас не тысячи, а многие миллионы населения нашего Советского Союза», «не понимают и из этих ошибок делают провокационные выводы» отдельные церковные руководящие деятели в странах народной демократии и в СССР[3]. Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» было опубликовано 11 ноября 1954 г. в «Правде».

В связи с этим постановлением ЦК КПСС Священный Синод 12 ноября 1954 г. принял свое постановление. В документе говорилось, что Священный Синод «считает своим долгом просить председателя Совета по делам Русской Православной Церкви выразить его признательность нашему Правительству за его неизменное благожелательное отношение к Русской Православной Церкви, которая в свою очередь, как в годы Отечественной войны, так и теперь, проводит и будет проводить свою деятельность в духе патриотизма и верности своему народу и его правительству»[4].

Постановление было направлено в ЦК КПСС 13 ноября 1954 г. вместе с докладной запиской председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова о реагировании духовенства на постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 428.

[2] См.: Чумаченко Т.А. Государство, Православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 156.

[3] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1116. Л. 7.

[4] Там же. Л. 54.

научно-атеистической пропаганды среди населения». В этой записке отмечалось сдержанное отношение митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича) и митрополита Ленинградского Григория (Чукова) к постановлению ЦК. Г.Г. Карпов сообщал, что на приеме в Совете по случаю годовщины Октябрьской революции «высказался о постановлении ЦК и очень положительно только патриарх, митрополиты же Николай и Григорий своего отношения к этому постановлению не высказали и к удивлению Совета даже не сказали своего мнения после высказывания патриарха. Несмотря на попытки мои и членов Совета вызвать на разговор — оба митрополита воздержались от своих суждений».

Далее председатель Совета привел слова протопресвитера Колчицкого, объяснившего сдержанность митрополитов Николая и Григория следующим образом: «[...] оба митрополита ожидали, что патриарх согласится с ранее высказанным предложением митрополита Григория и других епископов и будет более настойчиво добиваться приема у главы Правительства товарища Маленкова с тем, чтобы на этом приеме рассказать о допустимых нарушениях, выяснить отношение Правительства к Церкви (об освобождении помещений Троице-Сергиевой лавры, об открытии собора в Ленинградской Александро-Невской лавре и церквей в некоторых пунктах, о подоходном налоге с духовенства и др.)»[1].

С осени 1953 г. патриарх Алексий I направлял в Совет по делам РПЦ ходатайства о встрече с председателем Совета Министров СССР Г.М. Маленковым. Председатель Совета Г.Г. Карпов, передавая эту просьбу в правительство, подчеркивал, что патриарх самим фактом приема «хочет проверить отношение Правительства к Церкви, а за границей поднять свой престиж»[2].

В декабре 1954 г. патриарх вновь обратился в Совет с ходатайством о приеме у главы правительства: «Я давно имел в мыслях просить Вас доложить председателю Совета Министров СССР Георгию Максимилиановичу Маленкову о моем желании быть им принятым. Но многочисленные дела церковные, а также приемы делегаций и проч[ее] не давали возможности осуществить это намерение. Каких-либо ходатайств или особых вопросов к Г.М. Маленкову у меня нет, т.к. все сношения с Высшим правительством успешно осуществляются нами через Вас, как председателя Совета по делам Русской Православной Церкви. Руководит мною в данном случае лишь естественное в моем положении желание, чтобы возглавляющий церковные учреждения был лично знаком с Главою нашего Правительства, которое с неизменным благоволением относится к нашим церковным нуждам. Ввиду изложенного, я и прошу Вашего содействия к осуществлению просимого мною приема у Главы нашего правительства» (см. документ № 48).

11 декабря 1954 г. патриарх Алексий I был принят Г.М. Маленковым. Никаких серьезных вопросов на этой встрече не было решено. Состоялось личное знакомство главы советского правительства с главой Русской православной церкви. 20 и 21 декабря 1954 г. Г.Г. Карпов направил в Совет Министров СССР

[1] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1116. Л. 48–53.

[2] Там же. Д. 1114. Л. 181.

и ЦК КПСС докладные записки «О реагированиях на прием патриарха товарищем Маленковым Г.М.»[1]. Председатель Совета по делам РПЦ писал: «Как сообщает окружение патриарха, прием у товарища Маленкова оставил у него очень большое впечатление. Патриарх говорит: “Во-первых, рад, что, наконец, желание мое сбылось, а так неудобно было. Я, патриарх всея Руси, принимаю сотни иностранцев, принимаю патриархов мира, которые все знакомы со своими главами правительств, а я до сих пор не был знаком с Г.М. Маленковым. Во-вторых, рад, что Г.М. Маленков хорошо меня принял и он в курсе наших дел — за это я благодарен Совету”. [...] Патриарх ведет себя солидно и, делясь своими впечатлениями о приеме у товарища Маленкова с духовенством и прочими лицами, ничего не рассказывает о вопросах, задававшихся ему товарищем Маленковым и из своих просьб, поднятых на приеме, вспоминает только положительно решенный вопрос о занимаемом загорским клубом помещении церкви в корпусе Духовной академии»[2]. На приеме патриарх обратился к Г.М. Маленкову со следующими просьбами: а) изменить порядок обложения духовенства подоходным налогом; б) освободить и передать Троице-Сергиевой лавре в г. Загорске некоторые здания, находящиеся на территории Лавры; в) открыть некоторое количество церквей[3].

В июне 1955 г. Алексий I обратился в Совет с просьбой о встрече с вновь назначенным председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганиным. В своем письме Г.Г. Карпову патриарх особо подчеркнул: «[...] Я строго держусь т[ак] сказ[ать] юридической точки зрения, которая требует держаться установленного Правительством положения, по коему сношения с высшей Правит[ельственной] Властью и с гражданскими учреждениями производится п[атриар]хом через Совет по делам РПЦ. А потому, цель свидания с предс[едателем] Сов[ета] Мин[истров] состоит в том, чтобы П[атриар]х был ему лично известен, и имеет характер представления Главе Правительства, а не решения тех или иных очередных вопросов, которые разрешаются обычным законным путем» (см. документ № 66). В июне 1955 г. патриарх Алексий I присутствовал на приеме, данном председателем Совета Министров Н.А. Булганиным по случаю визита в СССР президента Индии Д. Неру, а 26 марта 1956 г. состоялась официальная встреча главы советского правительства с православными архиереями[4].

В 1955–1957 гг. руководство Совета по делам Русской православной церкви придерживалось той линии, которую оно проводило в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Этому способствовала сложившаяся обстановка в стране, получившая название «оттепели». В СССР оживилась религиозная жизнь: увеличилась численность духовенства (из заключения и ссылок возвращались священнослужители), в эти годы функционировали все

[1] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1116. Л. 122–125, 130–135.

[2] Там же. Л. 130–131.

[3] См.: Там же. Л. 130.

[4] См.: Там же. Д. 1225. Л. 85; Д. 1332. Л. 55.

семинарии и академии Русской православной церкви (кроме Виленской), открытые в предыдущий период; увеличились тиражи издаваемой религиозной литературы[1].

Дальнейшее улучшение и укрепление положения Церкви патриарх Алексий I связывал с реформами Н.С. Хрущева, который в 1958 г. стал председателем Совета Министров СССР. Патриарх Московский просил председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова организовать встречу с главой правительства. 17 мая 1958 г. Алексий I и митрополит Николай (Ярушевич) были приняты Н.С. Хрущевым. 19 мая 1958 г. во время беседы, проходившей в Барвихе, патриарх Московский информировал Г.Г. Карпова о встрече с председателем Совета Министров СССР[2]. Патриарх также сообщил, что Н.С. Хрущев просил написать письма по вопросам, обсуждавшимся во время приема: «Письма все, которые просил Никита Сергеевич, мы пришлем в Совет, но адресуем на имя тов. Хрущева, как он просил. Тем более Никита Сергеевич сказал, что все вопросы он рассмотрит в правительстве в самое ближайшее время»[3]. Письма на имя Н.С. Хрущева были направлены патриархом в Совет в конце мая — начале июня 1958 г. (см. документы № 134–138).

В сентябре 1958 г. Алексий I находился на отдыхе в своей резиденции под Одессой. По поручению правительства его посетил Г.Г. Карпов. Патриарх интересовался, «можно ли ему ожидать положительного разрешения тех вопросов, которые он ставил на приеме у Н.С. Хрущева в мае с.г.». Из этой беседы[4] следовало, что ожидать практического выполнения его просьб не приходится. Вместе с тем от Алексия I потребовали согласия на массовое закрытие церквей, монастырей (в том числе и Киево-Печерской лавры), духовных учебных заведений. Разговор был настолько напряженным и острым, что патриарх Алексий I заявил: «У меня интересов остаться патриархом нет, я так себя чувствую, что считаю даже, что я последний раз приехал в Одессу, и хотел даже с Вами говорить по вопросу о том, кто бы мог быть вместо меня патриархом, так как никого другого я не вижу, кроме митрополита Николая»[5].

К осени 1958 г. были определены основные направления религиозной политики государства: экономическое ослабление Церкви и ее правовое ущемление. Кампания по борьбе с Церковью начинает набирать силу. 4 октября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках атеистической пропаганды”». В нем говорилось о том, что партийным, комсомольским и общественным организациям необходимо «развернуть организован-

---

[1] См.: Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 161–163.

[2] Запись беседы патриарха Алексия I и Г.Г. Карпова см.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 227. Л. 28–33.

[3] Там же. Л. 30.

[4] Запись беседы патриарха Алексия I с Г.Г. Карповым см.: Там же. Л. 71–80.

[5] Там же. Л. 76.

ное выступление на религиозные пережитки советских людей». Новое по сравнению с постановлением 1954 года было то, что государственным органам предписывалось осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин[1].

16 октября 1958 г. были приняты два постановления Совета Министров СССР: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий, епархиальных управлений, а также доходов монастырей». В первом постановлении советам министров союзных республик поручалось сократить монастырские земельные угодья, запретить в монастырях наемный труд, установить порядок использования монастырями зданий, за исключением церквей, находящихся на их территории, только на основании договоров об аренде, заключаемых с местными органами власти. Кроме того, республиканским советам министров совместно с Советом по делам РПЦ и Советом по делам религиозных культов поручалось «в шестимесячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов и внести в Совет Министров СССР согласованные предложения по этому вопросу»[2]. Во втором постановлении Церкви запрещалось продавать свечи по ценам более высоким, чем они приобретались в свечных мастерских, устанавливался более высокий налог с земельных участков, находящихся в пользовании монастырей и отменялись установленные ранее льготы по налогу со строений и земельной ренте[3]. Вышеуказанные постановления ознаменовали новое наступление на Церковь.

Закрытие церквей в 1959 г. приобрело массовый характер. По данным Совета по делам РПЦ, на 1 января 1959 г. в СССР состояло на регистрации 10 845 церквей и 2478 молитвенных домов. За 1958 г. количество церквей и молитвенных домов уменьшилось на 91, а за 1959 г. с регистрации было снято 305 церквей и молитвенных домов[4].

В течение 1959 г. патриарх безуспешно добивался встречи с Хрущевым, направлял на его имя «докладную записку» (см. документ № 164) и письма, в одном из которых просил принять его и митрополита Николая (Ярушевича) «для доклада о церковных делах»[5]. В письме Г.Г. Карпову от 30 ноября 1959 г. патриарх говорил о проблемах, которые он хотел бы поднять в беседе с Н.С. Хрущевым (см. документ № 189). 10 декабря 1959 г. патриарх Алексий и митрополит Николай (Ярушевич) были приняты в Совете по делам РПЦ Г.Г. Карповым и его заместителем П.Г. Чередняком[6]. Во время беседы обсуждались вопросы,

---

[1] См.: Цыпин В. История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 379.

[2] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 682. Л. 143.

[3] См.: Там же. Л. 144.

[4] См.: Там же. Д. 1648. Л. 29; Там же. Д. 1747. Л. 14.

[5] Там же. Д. 1649. Л. 240.

[6] Запись беседы Г.Г. Карпова и П.Г. Чередняка с патриархом Алексием и митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) см.: Там же. Оп. 2. Д. 255. Л. 125–133.

о которых патриарх Алексий I писал в своем письме от 30 ноября 1959 г. Г.Г. Карпов сообщил, что по поручению правительства Совет рассмотрел обращения Церкви и не видит никаких «гонений на Церковь». Председатель Совета также сказал о том, что научно-атеистическая пропаганда ведется в соответствии с законом, а имеющиеся отдельные неправомерные поступки уполномоченных Совета на местах будут исправлены, и что Совет «не может согласиться с его (патриарха. — *Ю.Г. Орлова*) заявлением о том, будто закрытие монастырей и церквей преследует цель уничтожения Церкви»[1].

О том, как болезненно переживает тяжелое положение Церкви, патриарх Алексий I писал в другом своем письме Г.Г. Карпову от 30 ноября 1959 г.: «[...] Должен сказать, что я до болезненности переживаю все запросы, недоумения, просьбы с мест выяснить положение, дать указание и т.д., тем более, что не от меня зависит, так или иначе изменить настоящее положение. [...] Но мое положение заставляет меня болеть за всякое нарушение спокойной жизни Церкви, а теперь это спокойствие очень нарушено, — и стараться оградить подчеркиваемую — не только нами, но и власть имеющими — свободу внутренней жизни Церкви. Я не сомневаюсь, что Вы лично это очень хорошо понимаете». (См. документ № 190.)

13 января 1960 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Нарушением закона объявлялось строительство молитвенных зданий и покупка домов, приобретение духовенством автотранспорта; благотворительная деятельность церкви, направленная на поддержание слабых приходов, привлечение «новых слоев населения» в лоно Церкви, привлечение духовенством подростков и молодежи к церковной деятельности, «недемократичные» принципы управления церковными общинами.

На основании этого постановления местные органы советской власти провели массовое изъятие у общин домов для причта и автомашин, приобретенных без санкции уполномоченных, тем самым усугубляя и без того бедственное положение приходов[2].

В начале 1960 г. руководство Русской православной церкви решает поднять вопрос о гонениях на Церковь перед общественностью. 15–16 февраля 1960 г. в Москве проходила Конференция советской общественности за разоружение. В ней приняли участие патриарх Алексий I, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) и протопресвитер Николай Колчицкий. 16 февраля патриарх Алексий I выступил с речью на этой конференции. Он говорил о месте Русской православной церкви в истории Российского государства, кратко обрисовал ее многовековой вклад в государственное строительство, в развитие просвещения и культуры. Патриарх в своей речи, в частности, сказал: «Правда, несмотря на все это, Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, тем не менее выпол-

[1] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 128–129.

[2] См.: Цыпин. Указ. соч. С. 384.

няет свой долг, призывая людей к миру и любви... ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адовы не одолеют Церкви Его (Мф 16. 18)»[1]. После речи патриарха последовали выкрики с мест: «...Вы хотите уверить нас, что вся русская культура была создана Церковью... это неправда!»[2].

Постановлением Совета Министров СССР от 6 февраля 1960 г. Г.Г. Карпов был освобожден от обязанностей председателя Совета по делам РПЦ. Этим же постановлением на должность председателя Совета был назначен Владимир Алексеевич Куроедов, «имевший опыт работы в идеологических и партийных инстанциях»[3]. Возможно, одна из причин отставки Г.Г. Карпова заключалась в том, что он не сумел предотвратить выступления патриарха Алексия I на конференции в Кремле.

11 марта 1960 г. вновь назначенным председателем Совета по делам РПЦ В.А. Куроедовым была проведена беседа с патриархом Алексием I, митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами Московской патриархии Колчицким по фактам нарушения духовенством советского законодательства о религиозных культах[4]. В беседе, которая длилась 3,5 часа, особое внимание В.А. Куроедов обратил на то, что «за последнее время в Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР поступает много заявлений и сигналов о том, что в ряде мест священнослужители пытаются противодействовать мероприятиям, проводимым партией по усилению научно-атеистической пропаганды среди населения». В разговоре также отмечалось, что «отдельные представители духовенства открыто пропагандируют среди верующих такие мысли, что партия и правительство якобы сейчас взяли новый курс по отношению к церкви и религии, что сейчас будто бы практически поставлена задача физического уничтожения Церкви»[5].

Начатое государством в 1954–1960 гг. наступление на Церковь, продолжалось и в последующие годы. 16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»[6]. В апреле того же года Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов утвердили «Инструкцию по применению законодательства о культах»[7]. В соответствии с этими документами одна из главных задач государства состояла в том, чтобы восстановить права исполнительных органов

---

[1] Журнал Московской патриархии. ЖМП. 1960. № 3. С. 34.

[2] Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 290.

[3] Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 195; Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели». (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955–1964 гг.) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 30.

[4] Запись беседы см.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 1–7.

[5] Там же. Л. 1.

[6] См.: Там же. Д. 302. Л. 2–3.

[7] См.: Там же. Д. 306. Л. 1–9 об.

церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культах. На самом деле это означало отстранение от всей финансово-хозяйственной деятельности прихода настоятеля храма и всего приходского духовенства, превращение духовенства в «наемных работников». Этого нельзя было сделать без изменения ряда пунктов «Положения об управлении Русской православной церкви». 31 марта 1961 г. во время приема в Совете по делам РПЦ патриарха Алексия I, митрополита Питирима (Свиридова) и епископа Никодима председатель Совета В.А. Куроедов сказал: «Создавшееся положение в религиозных общинах и современные условия жизни нашего общества выдвигают вопрос о том, что надо пересмотреть отдельные пункты “Положения об управлении Русской православной церкви”. По этому вопросу Совет получил указание правительства и рекомендует вам пересмотреть отдельные пункты Положения»[1]. Соответствующие изменения в 4-й раздел («О приходах») «Положения об управлении Русской православной церковью» (принятого на Поместном Соборе в 1945 г.) были внесены на Архиерейском соборе 18 июля 1961 г. Собор 1961 года также одобрил решение Священного Синода от 30 марта 1961 г. о вступлении РПЦ во Всемирный совет церквей[2].

В октябре 1964 г. Н.С. Хрущев был отстранен от власти. Для РПЦ начался новый, относительно спокойный и стабильный период. В последующие годы, вплоть до кончины патриарха Алексия I, Церковь не подвергалась жестким репрессиям. Прекратились массовые закрытия церквей, монастырей, духовных учебных заведений, прекратились и частые переводы архиереев из одной епархии в другую.

8 декабря 1965 г. постановлением № 1043 Совет Министров СССР принял решение о преобразовании Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов в единый орган — Совет по делам религий[3]. Возглавил его Владимир Алексеевич Куроедов.

Положение о Совете превращало этот орган из органа связи между Церковью и государством (как это предполагалось, когда создавался Совет по делам Русской православной церкви в 1943 г.) в орган контроля над Московской патриархией.

Из Положения: «3. Совет по делам религий [...]:

б) осуществляет контроль за соблюдением законодательства о культах религиозными организациями и служителями культов; [...]

е) проверяет правильность применения центральными и местными организациями, а также должностными лицами законодательства о культах; [...]

4. Совет по делам религий имеет право:

а) принимать решения [...] о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов;

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 5.

[2] См.: Цыпин В. Указ. соч. С. 395–396.

[3] См.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.

б) проверять деятельность религиозных организаций в части соблюдения ими советского законодательства о культах и давать обязательные предписания об устранении его нарушений [...]»[1].

На протяжении своего 25-летнего патриаршества Алексий I обращался в Совет по делам РПЦ (с 1965 г. — Совет по делам религий) за решением многих вопросов: бывал на приемах в Совете, направлял письма в Совет и лично его председателям или заместителям председателей Совета: сначала Г.Г. Карпову и С.К. Белышеву, затем В.А. Куроедову, П.Г. Чередняку и В.Г. Фурову.

Первым председателем Совета был полковник госбезопасности Георгий Григорьевич Карпов. (Заместитель и помощник председателя Совета так же, как и Г.Г. Карпов, были из Наркомата госбезопасности, остальной штат формировался Отделом кадров Управления делами СНК СССР.)[2]

О настроениях патриарха, о беседах с ним Г.Г. Карпов информировал Совет Министров СССР и ЦК КПСС. В одной из докладных записок в ЦК КПСС от 19 апреля 1955 г. Г.Г. Карпов сообщал о взаимоотношениях Совета и Алексия I и давал такую характеристику патриарху: «[...] Патриарх Алексий продолжал начатое патриархом Сергием дело нормализации отношений между церковью и государством. [...] Патриарх Алексий с большой признательностью воспринимает решения Совета по ходатайствам церковного центра. [...]

Возглавляя самую большую богатую из всех 14 православных автокефальных церквей мира — Русскую церковь, являясь хорошо образованным человеком с живым общительным характером и обладая способностью говорить с людьми и располагать их к себе, патриарх Алексий имеет большой авторитет среди духовенства и верующих как в СССР, так и за границей.

Лояльное отношение патриарха Алексия к советской власти на протяжении длительного времени подтверждается не только его поведением, в том числе и во время заграничных поездок, письмами в адрес правительства, патриотическими заявлениями во время многочисленных бесед с иностранцами, но и его отношением к законам и мероприятиям советского правительства, а также и его реагированием на нарушения советской законности со стороны отдельных представителей духовенства. [...]

Патриарх часто выезжает на несколько дней в Троице-Сергиеву лавру и на дачу в Переделкино, а летом большую часть времени проводит на своей даче в Одессе.

Взаимоотношения между Советом и патриархом Алексием все время были и остаются нормальными. Во всех случаях (примерно 1–2 раза в месяц) патриарх принимается в Совете мною и только в мое отсутствие — зам. предсе-

---

[1] Постановление Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. № 361 «Об утверждении Положения о Совете по делам религий при Совете Министров СССР» см.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 798. Л. 109–114.

[2] См.: Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата // Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 71–72.

дателя Совета. По наиболее важным вопросам, касающимся управления Церковью (особенно по вопросам, относящимся к загранице) патриарх советуется со мной или, в мое отсутствие, с моим заместителем и охотно выполняет все наши рекомендации. Присылает нам заслуживающие внимания, получаемые им письма и проекты своих ответов на них и часто спрашивает мнения или замечания. [...]

Два раза в год в дни праздников 1 Мая и 7 ноября Совет устраивает для патриарха узкие приемы, со своей же стороны принимает приглашения только на юбилейные дни лично патриарха (в феврале и в ноябре) и в тех случаях, когда патриарх делает приемы в честь иностранных делегаций»[1].

Такие доверительные отношения Г.Г. Карпова с патриархом Алексием I сохранялись и после его отставки в феврале 1960 г. О том, что патриарх сожалел о смене руководства Совета, можно судить по его письму от 29 мая 1960 г., адресованному бывшему председателю Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпову: «Мне передали в Совете, что Вы отдыхаете в Барвихе, и я порадовался за Вас, т.к. Барвиха такое замечательное место отдыха и укрепления здоровья. Как рад бы я был навестить Вас, как было 2 года назад, но понимаю, что в настоящее время это было бы неудобно. Я говорил по Вашему указанию В.А. Куроедову, что с Вами у меня был по телефону разговор о свидании, и он, конечно, ответил, что к этому, разумеется, никаких препятствий быть не может... Но как теперь осуществить это свидание? [...] Опять скажу, что мы вспоминаем Вас с большой любовью, Ваш большой опыт в делах, Ваше отношение к нам, наша слаженность в работе и т.д. И очень жалеем, что Вас нет с нами. Самым сердечным образом желаю Вам, дорогой Георгий Григорьевич, полного отдыха и укрепления здоровья, привет супруге и семейству. С искренней любовью П[атриарх] Алексий» (см. документ № 193).

Совсем другие взаимоотношения складываются у патриарха с новым председателем Совета по делам РПЦ. По письмам, адресованным В.А. Куроедову, четко прослеживается то, что Алексий I старался «соблюдать дистанцию».

Характеристика и сведения о патриархе, содержащиеся в докладных записках нового председателя Совета «в инстанции», существенно отличаются от той информации о патриархе, которую предоставлял в Совет Министров и ЦК Г.Г. Карпов. В 1962 г. в связи с 85-летием предполагалось наградить патриарха орденом Трудового Красного Знамени. В своей докладной записке от 29 октября 1962 г. В.А. Куроедов сообщал в ЦК КПСС о деятельности патриарха Алексия I: «[...] Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, учитывая большую патриотическую деятельность патриарха Алексия и его вклад в дело борьбы за мир, считал бы целесообразным наградить его в связи с 85-летием со дня рождения орденом Трудового Красного Знамени и послать ему приветственную телеграмму от Правительства Советского Союза за подписью Никиты Сергеевича Хрущева. Деятельность Алексия на посту патриарха неоднократно получала высокую оценку советского правительства. За вы-

[1] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1224. Л. 177–185.

дающиеся заслуги в деле организации патриотической работы в период Великой Отечественной войны патриарх в 1946 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В связи с 75-летием со дня рождения в 1952 г. патриарх был награжден вторично орденом Трудового Красного Знамени. В 1957 г. в связи с 80-летием со дня рождения патриарха председатель Совета Министров Союза ССР послал ему приветственную телеграмму, в которой говорилось, что правительство высоко оценивает патриотическую деятельность и заслуги патриарха в деле борьбы за мир во всем мире.

За последние 3–4 года патриарх еще больше активизировал свою внешнюю деятельность по сплочению христиан всего мира в борьбе за мир. Его выступления в поддержку предложений Советского правительства о всеобщем и полном разоружении, о запрещении испытаний ядерного оружия, о ликвидации колониализма нашли широкий отклик в христианских кругах за рубежом.

Несмотря на свой преклонный возраст, патриарх совершил в 1961–1962 гг. поездки с миссией мира в страны Ближнего Востока, Югославию и некоторые другие страны.

Большое внимание патриарх Алексий уделяет вопросам повышения роли Русской православной церкви в Пражском христианском движении в защиту мира, во Всемирном Совете церквей, что приносит свои плодотворные результаты. [...]»[1]

В фонде Совета по делам РПЦ (Р-6991) хранятся два вида писем патриарха: письма личного характера и официальные письма. Советом были сформированы отдельные дела с «личными» письмами патриарха Алексия. В них содержатся письма-автографы Алексия I, адресованные лично председателю Совета по делам РПЦ или его заместителю. На большинстве этих писем имеются резолюции: «В дело» или «В дело личной переписки. Карпов».

В силу специфики делопроизводства Совета по делам РПЦ официальные письма патриарха рассеяны по всему фонду Р-6991. Эти документы выявлены в делах с докладными записками в Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б)–КПСС и в делах с материалами о положении православных церквей за границей, о работе духовных учебных заведений, о положении и хозяйственной деятельности монастырей, в делах с материалами об экуменическом движении, с журналами заседаний Священного Синода, а также в личных делах иерархов РПЦ. Копии таких писем встречаются в делах с докладными записками в Совет Министров СССР и в ЦК ВКП(б)–КПСС, а также в делах, содержащих переписку Совета с МИД СССР и другими ведомствами[2].

При В.А. Куроедове делопроизводство Совета по делам РПЦ меняется: почти все письма патриарха сосредоточены в специальных делах: «Письма патриарха Алексия в адрес председателя Совета» и «Записи бесед с патриархом Алексием по вопросам РПЦ». «Деловые» письма патриарха, выявленные в других делах фонда единичны.

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 221–224.

[2] Там же. Оп. 1, 2, 7.

«Личные» письма патриарха отличаются от официальных писем своим особым, доверительным тоном. «Личные» письма Алексия I Г.Г. Карпову или С.К. Белышеву обычно начинались так: «Дорогой Георгий Григорьевич!»; «Дорогой и сердечно любимый Георгий Григорьевич!»; «Глубокоуважаемый Сергей Константинович!». Заканчивая письмо, патриарх, как правило, писал: «Сердечно Вас уважающий и преданный Вам Патриарх Алексий»; «С искренним и глубоким уважением. Патриарх Алексий»; «Сердечно Вам преданный и искренно любящий Вас П[атриарх] Алексий» и т.д. Такой благожелательный тон в «личных» посланиях патриарха сохранился на протяжении всего председательствования Г.Г. Карпова.

В официальных письмах благожелательно-дружеские обращения отсутствуют. В начале документа указывается только адресат: «Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров Союза СССР Г.Г. Карпову» или «Председателю Совета по делам РПЦ при Совете Министров Союза ССР Владимиру Алексеевичу Куроедову». В конце письма нет таких заключительных фраз, как в «личных» письмах: «С сердечным уважением»; «Искренне уважающий Вас» и т.д. Тон этих писем строгий, деловой, в них четко и последовательно излагается суть вопросов. Официальные письма, как правило, посвящены одному (или нескольким) серьезным вопросам, требующим разрешения на правительственном уровне. Обычно они печатались на бланках патриарха. «Личные» письма (автографы) могли быть написаны как на бланке, так и на обычной бумаге.

Тон писем патриарха, адресованных В.А. Куроедову, отличается от интонаций писем Алексия I Г.Г. Карпову. Эти послания более сдержанные, более официальные. Алексий I неизменно начинал эти послания обычным приветствием: «Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич!», «Дорогой Владимир Алексеевич!». Заканчивал свое послание патриарх также сдержанно: «Искренно Вас уважающий П[атриарх] Алексий» или «С сердечным уважением П[атриарх] Алексий». При этом в письмах Алексия I В.А. Куроедову практически стирается грань между «личным» письмом и деловым. Тон писем патриарха независимо от того, направлялось ли оно в Совет по делам РПЦ или было адресовано лично председателю Совета, неизменно сдержанный. В своих посланиях В.А. Куроедову Алексий I четко и последовательно излагает суть проблемы или вопроса без лирических отступлений, как это было в письмах Г.Г. Карпову.

Письма Карпову от писем Куроедову также отличаются тем, что в них присутствует и сугубо «личная информация». В таких посланиях Алексий I просит передать приветы членам семьи Г.Г. Карпова, справляется о его здоровье и здоровье его близких, говорит о своем самочувствии, сообщает о погоде, описывает свои путешествия и т.д. Особенно много патриарх говорит о погоде и здоровье в письмах, отправленных из Одессы, где он обычно отдыхал. Очень редко и очень кратко патриарх пишет в «личных» письмах Куроедову о своем здоровье.

В некоторых случаях письма-автографы дублировались деловыми письмами. Как правило, у этих писем одинаковые даты. При этом «личное» послание

Алексия I фактически становилось сопроводительным письмом к письму официальному (см., например, документы № 31 и 32).

Официальное письмо патриарха могло быть достаточно коротким — всего несколько строк о направляемых в Совет документах и с просьбой «о содействии». И в этом случае письмо патриарха становилось сопроводительным письмом к документам, направляемым Алексием I в Совет (см., например, документы № 131 и 132; 133 и 134; 139 и 140).

В Московскую патриархию на имя Алексия I приходило множество прошений и жалоб от духовенства и верующих, связанных с притеснениями и незаконными действиями местных органов власти, поступали рапорты о положении монастырей и духовных учебных заведений и т.д. Кроме того, патриарх получал прошения от зарубежного духовенства о возвращении на родину, рапорты и справки о состоянии дел и о настроениях в представительствах РПЦ за границей и т.д. Эти инициативные документы направлялись патриархом в Совет в сопровождении официальных писем. Патриарх посылал в Совет подлинники, копии или собственноручно заверенные копии этих материалов. Письма, в которых Алексий I частично или полностью цитировал полученные им документы, чаще всего направлялись в Совет без приложений. Официальные послания патриарха, как правило, располагаются в делах вместе с документами-приложениями. В редких случаях Совет направлял в Совет Министров СССР подлинные официальные письма Алексия I, а в своем делопроизводстве оставлял машинописные копии.

В отличие от писем патриарха в Совет за 1945–1959 гг. письма патриарха за 1960–1970 гг. в большинстве своем снабжены приложениями, и, как правило, они располагаются в тех же делах, что и письма патриарха.

Совет не вел переписки с Московской патриархией. Решения правительства и рекомендации Совета передавались патриарху устно[1]. Об этом свидетельствуют пометы на документах. В фонде Совета по делам РПЦ копии писем-ответов Г.Г. Карпова Алексию I единичны. Эти письма-ответы цитируются в комментариях к письмам патриарха.

Резолюции и пометы на посланиях патриарха и докладных записках Совета в «инстанции» отражают мнение Совета, указания, полученные Советом от «инстанций»; а также содержат информацию о том, в какое ведомство или кому из уполномоченных и какие именно материалы направлены вместе с запросом или докладной запиской Совета для разрешения той или иной проблемы. В некоторых случаях в пометах зафиксировано, какую информацию Совет получил в ответ на свои запросы из ведомств.

В пометах также содержатся сведения о возвращении патриарху документов и материалов, в какое дело подшито то или иное письмо патриарха, дата получения материалов. В некоторых случаях пометы содержат обстоятельные справки по вопросам, которые были поставлены в письме патриарха.

---

[1] См.: Дело фонда Р-6991. Т. 1. Л. 11.

Резолюции на письмах патриарха свидетельствуют о том, кого из членов Совета необходимо ознакомить с материалами «дела» и когда доложить на заседании Совета; кому из членов Совета или инспекторов давались распоряжения «взять на контроль» и доложить председателю или заместителю председателя Совета, в какое ведомство необходимо послать запрос, с кем переговорить; ставить ли вопрос перед правительством. Резолюции, как правило, подписывались Г.Г. Карповым, С.К. Белышевым, В.А. Куроедовым, П.Г. Чередняком, пометы — инспекторами и членами Совета.

Судя по тексту «личных» писем Алексия I, по резолюциям и пометам на них, многие вопросы решались во время личных встреч Алексия I с председателем и членами Совета, либо по телефону. В письмах встречаются, например, такие фразы: «Итак, ожидаю Вашего звонка по телефону» (документ № 45); «Эта последняя установка и меня бы устраивала в том отношении, что я мог бы в 5 часов дня ехать в Переделкино, переговорив с Вами по телефону по текущим вопросам дня» (документ № 69); «В понедельник, 15-го, поговорим по телефону» (документ № 114); «Между тем это как будто встречает препятствие со стороны Совета, как мне по телефону передал П.Г. Чередняк» (документ № 196).

Раскрыть суть проблемы, восстановить последовательность событий и проследить «кухню» принятия решений по вопросам, поднятым в письмах патриарха в Совет по делам РПЦ, можно по докладным запискам Совета по делам РПЦ в Совет Министров СССР и в ЦК ВКП(б); по переписке Совета с различными ведомствами (МИД СССР, Министерство финансов СССР, Госплан СССР, Госбанк, Министерство связи, Министерство высшего образования, Главлит и др.); по протоколам заседаний Совета; по справкам, подготовленным членами и инспекторами Света; по записям бесед председателя и членов Совета с иерархами Русской православной церкви; журналам заседаний Священного Синода; по материалам о работе духовных учебных заведений; по справкам о монастырях и скитах. Все эти материалы фонда Совета по делам РПЦ были использованы для написания примечаний к письмам патриарха Алексия I.

В некоторых «личных» письмах Алексия I отражен его распорядок дня — отправление служб, поездки в Лавру, прием иностранных церковных делегаций, посещение Совета по делам РПЦ. В этой категории посланий содержались также поздравления с советскими и религиозными праздниками. В них патриарх приглашал председателя и членов Совета на праздничные приемы, обеды и торжества. Также в «личных» письмах Алексия I содержится много обращений и поздравлений в адрес советского правительства. Через Совет по делам РПЦ патриарх передавал поздравительные телеграммы на имя Н.А. Булганина, Н.С. Хрущева.

Со временем состав документов, направляемых патриархом в Совет по делам РПЦ, меняется. Если в 1945–1953 гг. большая часть посылаемых в Совет патриархом материалов — это письма и телеграммы зарубежного духовенства и проекты ответов на них, то в 1954–1970 гг. среди материалов, переданных патриархом в Совет, преобладали жалобы с мест на притеснения местных органов власти, рапорты епископов и архиепископов о бедственном положении мона-

стырей, о разногласиях с уполномоченными, заявления верующих о снятии с регистрации священников и т.д.

Письма патриарха в Совет по делам РПЦ за 1954–1970 гг. можно разделить на тематические группы. (Деление писем на группы весьма условно, так как в своих письмах в Совет патриарх мог поднимать сразу несколько вопросов.)

I. Международная деятельность Русской православной церкви, положение РПЦ за рубежом.

1. Состояние экзархатов Русской православной церкви, положение зарубежных приходов Московской патриархии и русских православных духовных миссий за границей.

2. Пребывание зарубежных церковных делегаций в СССР. Поездки делегаций Московской патриархии за границу.

3. Отношения Русской православной церкви с другими конфессиями.

4. Миротворческая деятельность Русской православной церкви.

II. Решение внутренних вопросов, касающихся положения Русской православной церкви в СССР.

1. Сессии Священного Синода. Перемещение и назначение архиереев.

2. Положение духовных учебных заведений.

3. Вопросы налогообложения профессоров и преподавателей духовных учебных заведений, священнослужителей; налогообложение свечного производства и налогообложение монастырей.

4. Положение монастырей и скитов.

5. Взаимоотношения епархиальных архиереев с уполномоченными Совета и местными органами власти.

6. Объединение епархий и сокращение их числа.

7. Возвращение святынь (о перенесении мощей из музеев в храмы) и зданий Русской православной церкви.

Период с 1954 по 1958 г. можно считать относительно спокойным и стабильным в отношениях государства и Церкви. Патриарх обращался в Совет по делам РПЦ за решением текущих вопросов (назначение и перемещение архиереев, передавал поздравительные телеграммы главе советского правительства, ходатайствовал о передаче святынь Русской православной церкви и т.д.), информировал о визитах различных иностранных церковных делегаций, о поездках делегаций Московской патриархии за рубеж.

Особое место среди писем патриарха занимают письма на имя председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева. Сначала эти письма были направлены Алексием I в Совет по делам РПЦ. (Письма были подготовлены после встречи 17 мая 1958 г. патриарха и митрополита Николая (Ярушевича) с Н.С. Хрущевым.) Совет по делам РПЦ в свою очередь передал письма Алексия I в Совет Министров СССР, сопроводив их подробными докладными записками. Возможно, это было одно объемное письмо, разбитое впоследствии на тематические разделы. Затем каждый из этих разделов стал самостоятельным письмом. Всего в деле 1543 (Ф. Р-6991. Оп. 1) находится пять таких писем (см. документы № 134–138). В этих письмах патриарх поднял очень важные для Московской

патриархии проблемы. Алексий I ходатайствовал об увеличении валютных ассигнований Московской патриархии на 1958 г.; об открытии храмов в некоторых городах и поселках Советского Союза; ходатайствовал о разрешении Московской патриархии иметь собственную типографию; о закрытии на территории Троице-Сергиевой лавры Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника и о передаче занимаемых им помещений Лавре. Также в одном из писем патриарха была изложена просьба патриарха Александрийского Христофора об оказании содействия в защите православных христиан Константинопольского патриархата и острова Кипр, о необходимости защитить интересы Русской православной церкви на Афоне (Греция).

После принятия Советом Министров СССР в октябре 1958 г. двух постановлений — «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий, епархиальных управлений, а также доходов монастырей» — на Московскую патриархию обрушился поток рапортов и прошений от настоятелей монастырей и от епархиальных архиереев с ходатайствами о том, чтобы за монастырями оставили земельные угодья и здания, они информировали патриарха о настроениях в монастырях, о бедственном материальном положении, о неправомерных действиях уполномоченных Совета по делам РПЦ на местах. В этих документах содержались также просьбы не переселять монашествующих в другие монастыри. Патриарх в свою очередь направлял эти ходатайства в Совет по делам РПЦ. По этим документам мы можем судить, что же на самом деле происходило на местах. Наибольшее количество жалоб из монастырей приходится на 1959 г.

В письме от 24 июня 1959 г. патриарх писал: «[...] Здесь меня донимают вопли из монастырей — письменные и даже приезды монахинь, жалующихся на то, что их насильственно выселяют “в мир”, не считаясь ни с возрастом, ни с местными церковными условиями, что вызывает не только брожение среди них, но и волнение в народе. Дело в том, что, по-видимому, на местах не считаются с выдвинутым в центре принципом — не изгонять монашествующих из монастырей, а переводить их в другие обители... А в Кишиневе, по докладу а[рхиепископа] Нектария, ему “предлагают” снять с приходов священников из монашествующих и этим оголить свыше 100 приходов...» (см. документ № 166).

Особое беспокойство патриарха вызывала судьба Киево-Печерской лавры. По вопросу о сохранении численности братии и о зданиях Лавры патриарх неоднократно обращался в Совет по делам РПЦ. В январе 1961 г. патриарх направил в Совет письмо о состоянии объектов Лавры в сопровождении целого ряда документов об аварийном состоянии зданий Лавры (см. документы № 200–203).

В 1961 г. в Патриархию стали поступать жалобы профессоров и преподавателей духовных учебных заведений на завышенные ставки подоходного налога (см., например, документы № 222, 223, 225). Помимо этого, патриарх получал письма с ходатайствами об отсрочке от армии для студентов духовных учебных заведений и о восстановлении воспитанников академий и семинарий после службы в армии. Алексий I старался защитить духовные учебные заведения и

оградить их от закрытия, обращался в Совет по делам РПЦ с просьбами о предоставлении духовным учебным заведениям более обширных помещений, ходатайствовал о предоставлении преподавателям закрывшихся семинарий мест в других духовных учебных заведениях и т.д. (см., например, документы № 44, 94, 144, 168, 196, 197).

После принятия 16 марта 1961 г. Советом Министров постановления «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» и после утверждения в апреле 1961 г. Советом по делам РПЦ и Советом по делам религиозных культов «Инструкции по применению законодательства о культах» на Патриархию обрушился новый поток писем с мест. Наибольшее количество жалоб верующих и духовенства приходится на 1962–1965 гг. На имя патриарха Алексия I поступали рапорты, прошения и жалобы от епархиальных архиереев и настоятелей монастырей, от священников и простых верующих. Они писали о закрытии монастырей и церквей, о выселении монашествующих, жаловались на неправомерные действия уполномоченных, на снятие священников с регистрации, ходатайствами о назначении священников в приходы, о сохранении храмов, церковных общин и возобновлении богослужений.

Патриарх старался не оставить без внимания ни одну жалобу, поступившую на его имя. Он направлял полученные им документы в Совет по делам РПЦ и при этом просил «обратить внимание на ходатайства», просил дать указания уполномоченным Совета, чтобы они урегулировали проблемы на местах. В сентябре 1962 г. патриарх, передавая в Совет по делам РПЦ большое количество прошений верующих, прилагал к своим письмам довольно длинные списки этих прошений (см. документы № 253, 254).

В Совете по делам РПЦ для ответов патриарху готовили специальные справки о принятых мерах[1].

В декабре 1965 г. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов были объединены в одно учреждение — Совет по делам религий при Совете Министров СССР. В Совете по делам религий по сравнению с Советом по делам РПЦ существенно изменилась система делопроизводства. Материалы, относящиеся к деятельности Русской православной церкви, стали занимать в нем такое же положение, как и документы, касающиеся других конфессий на территории СССР. В докладных записках Совета по делам религий в ЦК и в Совет Министров вопросы, связанные с Русской православной церковью, практически отсутствуют.

С 1966 г. патриарх все реже и реже лично обращается в Совет по делам религий для решения тех или иных проблем. Количество направленных Алексием I писем в Совет резко сокращается. Эти документы выявлены только в специально сформированных делах с «Письмами патриарха в Совет». Возможно, одна из причин, почему патриарх стал реже письменно обращаться в Совет, это его плохое самочувствие. В своем послании от 22 марта 1967 г. Алексий I сообщает В.А. Куроедову: «[...] За последнее время я действительно чувствую себя

[1] См., например: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 96–103.

не совсем здоровым, особенно ощущается большая слабость и частые головокружения» (см. документ № 415).

В своих письмах за 1966–1970 гг. патриарх информировал Совет по делам религий о пребывании в СССР иностранных церковных делегаций и о поездках представителей Московской патриархии за рубеж, сообщал о сессиях Священного Синода и о назначениях архиереев в епархии, поздравлял с советскими праздниками. В этот период Алексий I в своих письмах, адресованных В.А. Куроедову, чаще стал жаловаться на проблемы со здоровьем.

22 декабря 1964 г. управляющим делами Московской патриархии и постоянным членом Священного Синода был назначен архиепископ Таллинский Алексий (Ридигер). Ввиду преклонных лет патриарха Московского на архиепископа Таллинского «легло бремя ответственности за принятие решений по делам текущего церковного управления»[1].

Последнее письмо патриарха Алексия I на имя В.А. Куроедова, выявленное в фонде Совета по делам религий датируется 2 февраля 1970 г. В нем патриарх пишет о предстоящем праздновании 25-летнего юбилея своего патриаршего служения (см. документ № 425).

По письмам патриарха можно проследить, каким образом и какие именно отношения складывались между ним и председателями Совета по делам РПЦ Г.Г. Карповым и В.А. Куроедовым. В этих документах отразились настроения и позиция патриарха по определенным вопросам и проблемам. Комплекс публикуемых материалов — писем патриарха Московского Алексия I в Совет по делам РПЦ – Совет по делам религий, приложений к ним, а также подробных, обстоятельных примечаний — раскрывает механизм взаимодействия двух структур Совета и Московской патриархии через личные контакты патриарха Московского Алексия I и председателей Совета Г.Г. Карпова и В.А. Куроедова. Документы и материалы сборника освещают деятельность Совета по делам РПЦ — Совета по делам религий как посредника между Русской православной церковью и советским правительством.

Ю.Г. Орлова

[1] Цыпин. Указ. соч. С. 413.